

УДК 94(47)“1919”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.11>

А. А. Чемакин

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СТАВРОПОЛЬСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ В СЕНТЯБРЕ – НОЯБРЕ 1919 г.¹

Статья посвящена выборам в городскую думу Ставрополя, состоявшимся осенью 1919 г. В это время город находился под контролем Вооруженных сил на Юге России, и местная белая военная администрация, желая получить лояльную думу, активно вмешивалась в избирательный процесс и делала ставку на умеренные и правые политические силы, выдвинувшие сразу несколько кандидатских списков (районных попечителей, мещанский и домовладельческий). Основным оппонентом властей был социалистический блок, объединивший эсеров, меньшевиков и ряд общественных организаций. Промежуточное положение между властью и оппозицией занимал список «прогрессивных избирателей». На выборах, прошедших 15 сентября, победили социалисты, но окружной суд отменил итоги голосования, ссылаясь на формальные нарушения при подаче кандидатских списков. Нельзя исключать, что эти нарушения были допущены избирательной комиссией сознательно на тот случай, если победу одержат левые. Повторные выборы были назначены на 10 ноября. Представители несоциалистических сил, не желая повторения ошибок первых выборов, объединились в блок, который в итоге победил социалистов и получил большинство мест в городской думе. В ходе обеих избирательных кампании социалисты обвиняли власти

во вмешательстве в выборный процесс и даже высказывали подозрения, что итоги голосования сфальсифицированы, хотя прямых доказательств последнего утверждения нет. Правые и умеренные силы, в свою очередь, обвиняли социалистов в демагогии, разжигании классовой борьбы и натравливании «пролетариев» на «буржуев». Несмотря на бурное обсуждение выборов в прессе, жители Ставрополя остались безучастными к ним, о чем свидетельствует крайне низкая явка. Ставропольские избирательные кампании осени 1919 г. стали самыми скандальными за все время проведения муниципальных выборов на территориях, контролируемых южнорусским Белым движением. В статье подробно описывается ход обеих кампаний, даются характеристики избирательных списков, приводятся итоги голосования, в том числе по районам города, и примеры агитационных материалов.

Ключевые слова: выборы, городская дума, Ставрополь, Белое движение, Гражданская война, социалисты, правые.

Для цитирования: Чемакин А. А. Избирательные кампании в Ставропольскую городскую думу в сентябре – ноябре 1919 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 605–614. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.11

Anton A. Chemakin

ELECTION CAMPAIGNS TO STAVROPOL CITY DUMA IN SEPTEMBER – NOVEMBER 1919²

The article deals with elections to the Stavropol City Duma in autumn 1919. In that time the city was under control of Armed Forces of South Russia and the local White military administration working for a loyal Duma actively meddled in the race and put on moderate and right-wing political forces which put forward straightway several lists of candidates (neighborhood guardianships, burghers and house owners). A main opponent of authorities was a socialist block consolidating Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and a number of public organizations. The list of “progressive voters” was in between. Elections on the 15th of September were won by socialists, but the district court invalidated the voting returns on the pretext of technical infraction in presentation of the candidate lists. It cannot be excluded that this infringement was made by the electoral commission deliberately in the event leftists would win the elections. The repeat election was scheduled on November 10. Representatives of non-socialist forces in order to avoid errors made during the first election merged into a single bloc that eventually won and got the majority of seats. During both election campaigns, socialists put

the blame on authorities for intervention in the election process and even expressed suspicion that the returns were falsified though there was no direct proofs of the last assumption. In their turn, right-wing and moderate forces charged socialists with demagoguery, stirring of class struggle and setting “proletarians” on “bourgeois”. In spite of stormy discussion in press, residents of Stavropol remained unconcerned as evidenced by a very low turnout. Stavropol election campaigns in autumn 1919 were the most scandalous for the whole period of municipal elections on territories controlled by the South Russian White movement. The article goes into details of the course of both campaigns, characterizes electoral lists, presents voting returns, including by city districts, and examples of propaganda materials.

Key words: elections, City Duma, Stavropol, White Movement, Civil War, socialists, rightists.

For citation: Chemakin A.A. Election campaigns to Stavropol City Duma in September – November 1919 // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 605–614 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.11

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015/>

2 The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015/>.

Осенью 1919 г. на территориях Юга России, занятых белыми, были проведены выборы в городские думы. В большинстве городов победу одержали лояльные по отношению к властям избирательные списки, само же голосование прошло в целом спокойно, хотя и при крайне низкой явке. Порой возникали спорные ситуации (например, в Севастополе и Одессе), но наиболее скандальной оказалась избирательная кампания – точнее, две избирательные кампании, следующие одна за другой – в Ставропольскую городскую думу. К сожалению, до сегодняшнего дня они не были освещены в историографии, а единственное краткое упоминание о ставропольских выборах 1919 г. можно найти в диссертации А. А. Кондрашовой [16, с. 235–237] (она же является автором статьи, посвященной предыдущей избирательной кампании 1917 г. [17]).

«Демократическая» дума Ставрополя, избранная в 1917 г., а затем разогнанная большевиками, была восстановлена белыми летом 1918 г. Ставропольская дума оказалась единственным на белом Юге органом местного самоуправления, продолжившим свою деятельность, в других же городах военные власти восстанавливали только управы. 10 января 1919 г. военный губернатор генерал-майор П. В. фон Глазенап на основании телеграммы главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) А. И. Деникина объявил, что срок полномочий городской думы Ставрополя истек 1 января, но городские гласные должны оставаться при исполнении своих обязанностей и пользоваться всеми предоставленными им правами впредь до проведения новых выборов [40]. В мае 1919 г. начальник управления внутренних дел Н. Н. Чебышев обратился к новому военному губернатору генерал-лейтенанту А. М. Валуеву с вопросом, считает ли тот желательным назначить выборы на вторую половину августа и пройдут ли они в благоприятной обстановке? Валуев после совещания с местными общественными деятелями ответил, что выборы придется отложить до сентября, чтобы иметь время обнародовать положение о выборах и закончить полевые работы. Кроме того, полагал военный губернатор, «деловых элементов пройдет тем больше, чем устойчивее будет наше стратегическое положение на фронтах» [18]. В итоге голосование было назначено на 15 сентября [41].

Еще в октябре 1918 г. ставропольская дума постановила провести следующие выборы по закону Временного правительства, т. е. по пропорциональной системе, но с небольшими поправками: возрастной ценз поднимался с 20 лет до 21, также вводился ценз оседлости в 1 год проживания в городе [8, л. 2–2об., 29–36 об.]. Эта самостоятельность была проигнорирована военными властями, и новые выборы проводились по закону, действовавшему на территории ВСЮР и предпо-

лагавшему одну из разновидностей мажоритарной системы, а именно одобрительное голосование в многомандатных округах с неограниченным вотумом (блоковая система). Списки кандидатов выдвигались только избирательными объединениями, но при подсчете голосов они никакой роли не играли. Избиратель мог проголосовать за симпатичный ему список целиком или частично, вычеркнув из него тех кандидатов, которые ему не нравились, или же составить свою собственную избирательную записку, включив в нее кандидатов из разных списков. В думу избирались те кандидаты, которые получали относительное большинство голосов [3].

Социалисты неодобрительно отнеслись к новому избирательному закону, предпочитая ему закон Временного правительства [20], но все же приняли участие в выборах. Незадолго до начала кампании ходили слухи, что они пойдут под вывеской союза квартиронанимателей. На собрание союза, по сведениям газеты «Родная речь», звали всех, кто «демократически настроен». В итоге из 900 членов организации пришло человек 70, «довольно плотная кучка, мало общего с союзом квартиронанимателей имеющая», «но имеющая очень много с остатками социалистических партий». Собрание рекомендовало выдвинуть кандидатами в думу преимущественно представителей социалистов, а почти всех их оппонентов забаллотировало. Один из присутствующих на собрании громко иронизировал над происходящим: «Адриан Петрович Булыгин очень дельный работник, очень знающий, но он не социалист и его вы не выберете». Не выбрали. «Александр Петрович Булыгин – человек совсем не деловой, любит болтать, но он эсер и вы его выберете». Так и произошло [21].

В конце концов эсеры решили не идти по списку Союза квартиронанимателей, а создать блок – Список демократических организаций и социалистических партий (№ 5). Главенствующую роль в блоке играла Партия социалистов-революционеров, которая, по сведениям Отдела пропаганды, захватила «в свои руки органы земского и городского самоуправления и продовольственные учреждения». Кроме эсеров, в блок вошли еще 7 организаций: меньшевики, менее влиятельные в силу отсутствия в губернии фабрично-заводской промышленности, союзы городских и коммерческих служащих, квартиронанимателей, губернное бюро профессиональных союзов, семейное собрание служащих, школьный союз [5, л. 144]. Список отличался открыто оппозиционным настроем по отношению к местным военным властям и занимал крайний левый фланг легального политического поля. Печатным органом блока была эсеровская газета «Право народа» (к сожалению, сохранилось очень мало номеров этого издания, впрочем, точку зрения ставропольских

социалистов можно узнать из екатеринодарского журнала «Местное самоуправление на Северном Кавказе»).

Основным конкурентом социалистов был Список районных попечительств и общества «За Россию» (№ 3), занимавший центристские, умеренно-либеральные позиции. Районные попечительства вообще не декларировали приверженности какому-то политическим доктринам, высказываясь в первую очередь по хозяйственным вопросам, а общество «За Россию», находившееся под покровительством Отдела пропаганды [6, л. 102], стояло на платформе декларации генерала А. И. Деникина. В состав общества «За Россию» перешли наиболее активные местные кадеты, собственная организация которых никакой деятельности не вела; к нему также примыкала часть развалившейся местной ячейки Трудовой народно-социалистической партии (другая ее часть вошла в социалистический блок) [5, л. 144–144об.]. Позиция списка доводилась до общественности при помощи газеты «Родная речь», органа общества «За Россию». На общегородское собрание районных попечительств пришли не только представители союза «За Россию», но и союзов городских, земских и коммерческих служащих, торгово-промышленного союза, бюро профессиональных союзов, а также эсеров и меньшевиков. Социалисты и представители связанных с ними организаций пытались включить своих кандидатов в списки районных попечительств, но большинство голосов была признана нежелательностью соглашения с партийными организациями, а представителям партий было отказано в праве решающего голоса на собрании [22].

На правом фланге находился список союза домовладельцев (№ 2), который не декларировал какой-то четкой политической позиции, призывая к деловой работе, но за ним стояла влиятельная и близкая к военным властям газета «Северокавказский край», редактор которой А. М. Воскресенский был вождем местных русских националистов и одним из руководителей ячейки Союза русских национальных общин (СРНО), а с 17 ноября 1919 г. – товарищем председателя губернской общины СРНО, в учреждении которой приняли участие представители городского самоуправления, мещан и чиновников государственных учреждений [5, л. 304 об.–305]. Левые круги характеризовали Воскресенского как лидера «реакционной части чиновничества» и «крупных землевладельцев», «специализировавшегося на травле социалистов всех течений» [15, с. 35].

Свой список выдвинуло и мещанское общество, причем во время обсуждения кандидатур на одном из районных мещанских собраний произошел занятый инцидент. На совещании перед собранием было решено выдвинуть в кандидаты трех хлебобобов-мещан, но затем, уже на са-

мом собрании, при обсуждении кандидатур все трое оказались забаллотированы, а выдвинули исключительно интеллигентов – учителей и чиновников. По закрытии заседания мещане, выйдя на улицу, начали упрекать друг друга: «Как ты смел, такой-сякой, говорить это?! Ты сам мошенник!», «Тебе морду надо набить!», «Как же это случилось?! Хотели выбрать своих, а выбрали “баранов”?» Один из незадачливых выборщиков даже предположил, что «баре» подтасовали результаты [19]. К списку мещан присоединилось ташлянское районное попечительство, не пожелавшее вступать в общий список районных попечительств [22].

«Группой прогрессивных избирателей» был предложен список, в который было внесено до 20 учителей, около 20 земских и городских служащих, до 15 чиновников, 10 врачей, 10 священников, 20 лиц свободных юридических профессий (судей, адвокатов, нотариусов), а также домовладельцы, коммерсанты и мещане. «Думаем, что он вполне приемлем для беспартийной служилой интеллигенции города», – заключала «Родная речь», симпатизировавшая и «прогрессистам» [23]. Особенностью этого списка было то, что многие его кандидаты уже были включены в другие списки, так что количество собственно «прогрессистов», идущих исключительно по этому списку, являлось крайне незначительным.

Как свидетельствовала «Родная речь», социалисты стремились «провести городские выборы в плоскости классовой борьбы» и поэтому призывали выбирать «только пролетариев, только “трудящихся”», запугивая обывателей возможным засильем в думе домовладельцев и «буржуазии», а также опасностью возвращения «старого режима». «Скрытая подкладка всего этого – дать дорогу не общественным деятелям, а демагогам-политиканам, всегда прикрывающимся “интересами трудового народа”», – заключала газета, отмечая при этом, что никакой резкой границы между трудящимися и домовладельцами нет, а большинство домовладельцев (за исключением нескольких десятков, живущих за счет сдачи квартир в наем) – такие же трудящиеся [19]. «Северокавказский край» также иронизировал по этому поводу: вот в социалистическом списке председатель банка, получающий 30 тыс. в месяц, – он пролетарий, вот в списке их противников чиновник, получающий 30 тыс. в 30 лет, – он буржуй. Согласно такой логике, и социалиста в лакированных ботинках и изящном сюртуке вполне можно считать пролетарием, ведь у него «пролетарское мировоззрение» [36].

Режим, установленный военными властями в Ставрополе, даже на фоне соседних губерний и областей выделялся репрессивностью и административным произволом, чем снискал себе недобрую славу в левых кругах. Неудивительно, что

в ответ на активную агитацию социалистического блока местная военная администрация арестовала 10 социалистов, в том числе бывшего депутата Учредительного собрания Е. А. Дементьева, служившего в продовольственном отделе екатеринодарской городской управы и приехавшего в Ставрополь по личным делам – власть и официозная пресса попытались представить его одновременно эмиссаром кубанских самостийников, привезшим деньги на предвыборную кампанию, и большевиком [12]. Кроме него, были арестованы такие видные социалистические деятели как член правления Союзбанка А. Г. Малый, секретарь редакции газеты «Право народа» В. Надалец, рабочий-металлист Оберченко, председатель общества «Объединение» меньшевик И. П. Соколов [5, л. 198–199; 13].

«Ввиду большого недовольства населения деятельностью ставропольской администрации, не освободившейся от навыков старого режима и срывающей на социалистической демократии свою злобу на большевиков, пятый список имеет значительные шансы на успех в городских выборах», – писал левый журнал «Местное самоуправление на Северном Кавказе» в начале сентября [12]. И он оказался прав – «административная горячка», запугивание оппонентов и кампания против них в подконтрольной прессе в конечном итоге дали обратный результат. Кроме того, активную работу левых признавали и их оппоненты, отмечавшие, что другим группам «следовало бы поучиться у социалистов» технике и организованности [31]. Остальные же списки вообще не вели агитации, положившись на «сознательность» избирателей [14].

Газета «Родная речь» описывала ход избирательной кампании в стихотворении, в котором упоминались издатель «Права народа» эсер Я. И. Дулин [7, л. 1] и его сотрудник «Киб» (псевдоним), а также редактор «Северокавказского края» А. М. Вознесенский:

*Опять настали выборы...
С сетями красных слов
Эсеры словно рыбаки
Выходят на «улов».
Трещат передовицами,
Пугают мелких рыб
Своими небылицами
Им помогает «Киб».
Фельетонист неграмотный
следит за поплавком,
А Дулин глушит наотмашь
Словесным молотком...
Да рыбка – безучастная:
Хвостом не поведет!
Известно, – тварь безгласная,
И кто ее проймает?..
Пустынно на собраниях,
Что вдаль, что поперек, –
О рыбьиных желаниях*

*Не скажет и пророк!..
Лишь Александр Михайлович
Предчувствует «беду»:
«Ужель и тут я в гласные
Себя не проведу?..
Отцом родного города
Быть хочется мне страсть.
По списку овцеводному
Я думаю попасть!..
Сомненья с сожаленьями
В одну сплелися нить:
«Ах, если б назначеньями
Избранье заменить!»
Внезапно вдохновляется
«Идею» своей,
И до рассвета мается
Над длинной статьей.
Рыбешка же безгласная
Меж тем в заводях спит.
Что в том, кто влезет в гласные
И кто будет побит?..
Не в этом дело главное:
Важней для пескарей –
Управу видеть «справною»
Да... корм подешевей!.. [27]*

День голосования прошел при полном равнодушии избирателей. «Утром в день выборов Ставрополь представлял собою картину будничного дня, – писал местный журналист. – Ни движения, ни оживления на улицах не наблюдалось» [31]. Попытки мешать социалистам власти предпринимали и в ходе голосования, ненадолго арестовав агитаторов списка № 5 Румбешта и Коровина, раздававших на главной улице избирательные записки, под предлогом «препятствования свободному передвижению публики» [43]. «Северокавказский край» этот случай не упомянул, зато отметил, что был арестован рабочий Яценко, в нарушение закона агитировавший за социалистов у входа в один избирательный участок. Около другого участка был убран незаконно размещенный плакат списка № 5. При этом, как отмечала правая газета, тех «рекламистов» списка № 5, которые раздавали свои избирательные записки без нарушения закона, никто не трогал, хотя они и были весьма назойливы [31]. Уже после окончания голосования власти провели обыски в помещении бюро профсоюзов, связанном с эсерами газетном киоске Сафроновой (в нем были взяты избирательные списки блока № 5), и на квартирах председателя и товарища председателя правления профсоюзов [2]. Все это, очевидно, только злило сторонников социалистов.

На участки явилось 5623 избирателя из 25113, т. е. 22,4 % [4, с. 4] (вероятно, в данной статистике не учитывались недействительные записки, так что реальная явка могла быть несколько выше). Победа досталась социалистам (Таблица 1) [5, л. 197, 232; 24].

Таблица 1.

Общие итоги голосования по Ставрополю / Table 1. General results of voting in Stavropol

	Название и № списка	Количество записок	Процент	Количество мест в думе
1	Демократических организаций и социалистических партий (№ 5)	2018	35,9	49
2	Районных попечительств и общества «За Россию» (№ 3)	1233	21,9	7
3	Мещанского общества (№ 1)	711	12,7	5
4	Союза домовладельцев (№ 2)	708	12,6	5
5	Прогрессивных внепартийных избирателей (№ 4)	310	5,5	6
	Смешанные записки	643	11,4	-
	Итого	5623	100	72

«Списочные» результаты достаточно плохо показывают итоговое соотношение сил в думе, так как значение имели только голоса за конкретного кандидата. Первыми прошли 8 кандидатов, включенных во все списки, кроме № 5 – каждый из них получил примерно по 3000 голосов. Из лиц, шедших по трем спискам, прошли не все. Те, кто был включен в списки 1, 2 и 3, получили около 2650 голосов, в 2, 3, 4 или 1, 3, 4 – по 2250. Последних опережали 8 человек, идущих по спискам 4 и 5 – они получили примерно по 2300 голосов. Большинство мандатов досталось кандидатам, идущим по одному 5-му списку – их результаты совпадали со «списочными» (около 2000 голосов). Лица, шедшие по спискам 1, 2 и 4 получали меньше, чем кандидаты одного списка № 5, и имели шансы только за счет вычеркиваний из социалистического списка. Кандидаты, включенные только в один из списков, за исключением 5-го, шансов на прохождение в думу не имели [24]. Эти данные также хорошо показывают коалиционную политику: с одной стороны были правые и центристские списки (1, 2 и 3), с другой левый (5), а промежуточное положение между ними занимали «прогрессивные избиратели» (4). В ходе выборов наблюдалось вычеркивание из списков еврейских фамилий, в результате чего гласным стал лишь один еврей [33].

В силу того, что кандидаты могли идти по разным спискам, распределение мандатов тоже является во многом условным – видимо, в данном случае бралось во внимание то, какой список сам прошедший кандидат считал для себя основным. Особенности избирательной системы, использовавшейся на белом Юге, проявились в полной мере – список, набравший относительное большинство голосов, получил абсолютное большинство мест в думе. Также весьма показательно то, что «прогрессивные избиратели» за счет союзов и направо, и налево получили больше мест, чем мещане и домовладельцы, хотя непосредственно за их список целиком голосовали в два с лишним раза реже.

Результаты голосования по районам города, приведенные в местной прессе [24], очевидно, не совсем точны, потому что местами они противоречат общим итоговым результатам, но, так как проверить и исправить их вряд ли представляется возможным (в архивах не сохранились официальные протоколы), мы публикуем их в имеющемся виде с целью показать примерное соотношение между списками в центре и на окраинах (таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Итоги голосования по районам (в абсолютных величинах) /
Table 2. Results of voting by regions (in absolute terms)

	Участок	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	Смеш.
1	Центральный	1	155	46	69	251	99
2	Воронцовский	4	133	82	94	197	103
3	Приямарочный	5	88	98	41	201	103
4	Ново-Форштадтский	13	20	281	0	112	19
5	Воробьевский	44	93	121	64	84	82
6	Станичный	9	133	76	20	230	52
7	Подгорненский	2	47	31	11	200	11
8	Каменоломский	12	21	64	3	206	7
9	Старо-Форштадтский	250	9	65	0	134	67
10	Мамайский	78	0	139	0	108	12
11	Монастырский	112	0	215	0	81	0
12	Ташлянский	183	4	0	4	206	11

Таблица 3

Итоги голосования по районам (в относительных величинах) /
Table 3. Results of voting by districts (in relative terms)

	Участок	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	Смеш.
1	Центральный	0,16	24,96	7,41	11,11	40,42	15,94
2	Воронцовский	0,65	21,70	13,38	15,13	32,14	16,80
3	Приямарочный	0,93	16,42	18,28	7,65	37,50	19,22
4	Ново-Форштадтский	2,92	4,49	63,15	0	25,17	4,27
5	Воробьевский	9,02	19,06	24,80	13,11	17,21	16,80
6	Станичный	1,73	25,58	14,62	3,85	44,23	10,00
7	Подгорненский	0,66	15,56	10,26	3,64	66,23	3,64
8	Каменоломский	3,83	6,71	20,45	0,96	65,81	2,24
9	Старо-Форштадтский	47,62	1,71	12,38	0	25,52	12,76
10	Мамайский	23,15	0	41,25	0	32,05	3,56
11	Монастырский	27,45	0	52,70	0	19,85	0
12	Ташлянский	44,85	0,98	0	0,98	50,49	2,70

Весьма примечательно, что в центральных районах был значительный процент смешанных записок – более обеспеченные и образованные избиратели, задумывавшиеся над тем, кого посылают в думу, включали в них представителей разных списков, в то время как жители окраин чаще всего подавали готовые печатные записки, получаемые от агитаторов.

По мнению сотрудников Отдела пропаганды, наблюдавших за кампанией, социалисты победили благодаря широко поставленной агитации, напомиравшей выборы 1917 г. и ведшейся с огромной энергией, затратой сил и полученных от кубанских эсеров денежных средств, обывателю, еще не вкусившему плодов политики большевиков из-за краткости их пребывания в Ставрополе, и евреям, почти в полном составе явившимся к урнам и отдавшим голоса за левых. Кроме того, неудачное выступление общества «За Россию» объяснялось тем, что в него проникли несколько эсеров, выполнявших решение своей партии по разложению оппонентов [5, л. 198, 232–232об., 234]. Основной же причиной поражения было наличие нескольких несоциалистических списков, из-за чего обыватели подумали, что они будто бы ведут между собой борьбу, хотя в действительности этого не было [34].

Тот факт, что социалисты, набрав около 36 % голосов (а если считать от имеющих право голоса, то 8 %), получили 68 % мест гласных, возмутил газету «Северокавказский край»: «Создается полнейший абсурд: 20 тыс. избирателей по тем или другим причинам к урнам не явились и своей воли не выразили. Более трех тысяч избирателей голосовало за другие списки, т. е. высказалось против эсеров и, тем не менее, получив около двух тысяч голосов, они оказываются хозяевами города, т. е. абсолютное меньшинство, забаллотированное большинством, однако, оказывается победителем, и это на «законном основании!»». Этому способствовали многочисленность списков и то, что массы плохо ориентировались в требованиях закона,

зачастую предпочитая готовые избирательные записки, причем те, которые были просто всунуты в руки. Записки эсеров и районных попечительств широко раздавались, мещанские выдавали в мещанской управе, списки же домовладельцев и прогрессистов можно было найти только случайно. Правые раскритиковали избирательный закон, составленный, «может быть, отличными юристами, но плохими логиками, математиками и знатоками народного хозяйства», и предлагали или вообще отказаться от «четырёххвостки», или же, если это невозможно и сохранится мажоритарная система, подвергать баллотировке только два списка, которые могут быть выработаны на специальном предвыборном собрании [32].

«Северокавказский край» был недоволен и тем, что «сферы расслабленного кадетизма» (список № 3) пустились в «пропаганду непротестования победе социалистов, ненадобности протеста против неправильности выбора их», и таким образом, вся общественная жизнь города и его хозяйство сдавались в руки эсеров, «так блистательно подготовивших большевизм и всю разруху нашей родины и, в частности, местной жизни». По мнению редактора газеты А. М. Воскресенского, речь шла не просто о поражении на муниципальных выборах, а о сдаче города изменникам и предателям, врагам Добровольческой армии [36]. В силу этого он решил опротестовать итоги выборов, подав жалобу в административное отделение окружного суда. Ходили слухи, что планирует обратиться в суд и мещанский староста Беляев [25]. Кроме того, было подано несколько жалоб на производство выборов еще от нескольких частных лиц, но, по всей видимости, в них не было ничего особо серьезного, и, к тому же, они не были приняты из-за неоплаты гербового сбора [10, л. 1, 4; 11, л. 1, 3].

Правые горевали недолго – результаты были опротестованы не только ими, но и военным губернатором генерал-майором Г. И. Кортацци.

3 октября 1919 г. административное отделение окружного суда отменило итоги выборов [42]. Основанием для кассации послужило то, что списки кандидатов были составлены с нарушением закона: в №№ 1 и 2 не у всех кандидатов были указаны профессия или общественное положение, а количество избирателей, подписавших списки, было меньше положенного; №№ 3, 4 и 5 были представлены в комиссию 4 сентября, в последний день, но рассмотрели их 5 сентября, то есть уже после окончания срока выдвижения, а кроме того, заявления о согласии баллотироваться были представлены не от всех кандидатов списков 1, 2, 3 и 4 (из 327 кандидатов не подали заявления 35). Кандидатские списки были составлены небрежно, подписи под ними часто были неразборчивы, не содержали сведений о подписавших, часто все ограничивалось одной фамилией без имени и отчества. Городская избирательная комиссия не проверила лично списки, хотя должна была сделать это при приеме их, а вместо этого поручила проверку заведующему статистическим отделом и, заслушав его доклад, признала списки правильными. Таким образом, списки 1 и 2 были совершенно недействительны и не подлежали принятию, 3 и 4 подали с некоторыми отступлениями от закона, и лишь 5-й не содержал ошибок, но он был рассмотрен после установленного законом срока. Очевидно, что вина лежала не только на кандидатах, но и на избирательной комиссии, допустившей, несмотря на наличие в своем составе 5 юристов, опубликование неполных сведений и нарушившей целый ряд статей закона (суд отметил, что она проявила «крайнюю небрежность»). Победивший социалистический список был составлен вполне корректно, а срок его регистрации был нарушен опять же по вине избирательной комиссии. Неудивительно, что левые круги подозревали комиссию, возглавляемую городским головой Р. Р. Глиндзичем и собственноручно создавшую повод для кассации выборов, в работе на «цензовиков» [1, с. 66–67; 26]. Остается только гадать, что это было? Просто некомпетентность избирательной комиссии или заранее продуманный план: специально допустить ряд нарушений и, в случае победы социалистов, при помощи этих нарушений отменить результаты?

Новые выборы были назначены на 10 ноября, и в общественных кругах началось обсуждение возможных комбинаций. Имелись сторонники широкого объединения, пытавшиеся соединить списки 1, 2, 3 и 4, но другим оно виделось бессмысленным: «Вряд ли такой список привлечет кого-нибудь. При возможности вычеркивать такой список рискует обратиться фактически в 3–4 списка, так как домовладельцы будут подавать его, повычеркав всех домовладельцев, а недомовладельцы – повычеркав всех домовладельцев. Мещане будут подавать, оставив одних мещан, и т. д.» [26]

Представители трех проигравших списков в конце концов решили не повторять ошибок и объединиться [34]. Нельзя исключать и того, что губернская военная администрация сознательно способствовала объединению несоциалистических сил, чтобы не разбивать голоса. Для ведения кампании организациями, вошедшими в блок, было ассигновано 15 тыс. руб., кандидатов объединенного списка отобрали на основе результатов отмененных выборов [5, л. 278]. В своей программе они обещали «не делать несбыточных обещаний, не ловить журавлей в небе, а вести планомерную и упорную борьбу со всеми насущными нуждами населения без различия классов и групп его» [36].

На новых выборах конкурировало 3 списка – объединенный «деловой» список домовладельцев, мещан и районных попечительств (№ 1), демократических организаций и социалистических партий (№ 2), прогрессивных внепартийных избирателей (№ 3). Список прогрессистов, особой роли не игравший, был дополнен лицами, отколовшимися от основных списков (частью квартиронанимателей – от левого, группой чиновников – от правого), при этом 46 его кандидатов присутствовали в списке домовладельцев, в силу чего наблюдатели оценивали его как «подсобный» список № 1-го [5, л. 298]. Левые полагали, что домовладельцы включили в свой список «мещан» и «районные попечительства» без согласия собраний соответствующих организаций, причем, по их сведениям, одно из районных попечительств – воробьевское – даже протестовало против произошедшего. Давление на оппозицию продолжилось и во время новой кампании – семейное собрание служащих и школьный союз под нажимом администрации заставили отказаться от идеи вновь вступить в левый блок (в итоге они сомкнулись с прогрессистами), причем первому дали понять, что в случае участия в выборах вместе с социалистами оно может быть закрыто или, по меньшей мере, лишиться на зиму своего зимнего помещения. Государственная стража запретила печатать плакаты левых на том основании, что в них содержалась критика правых (тогда как домовладельцы в своей агитации постоянно критиковали социалистов), и лишь протест, заявленный губернатору, дал возможность выпустить агитационную продукцию [1, с. 67]. Впрочем, приведенная выше информация исходила из левых кругов, более умеренная печать считала, что не все так однозначно: и члены союза квартиронанимателей выражали недовольство тем, что на прошлых выборах их затащили в компанию твердокаменных социалистов, и руководитель школьного союза, бывший попечитель учебного округа В. А. Васильев, был уже не таким ярким сторонником блока с социалистическими партиями, как прежде [26]. Впрочем, давление, по всей видимости, все же имело место, и даже Отдел пропаганды отмечал, что семейное собрание вышло из блока

с социалистами из-за возможности «нежелательных последствий». Кроме того, выход семейного собрания должен был ударить по финансированию кампании социалистов, т. к. на первых выборах оно ассигновало на агитацию списка до 7 тыс. руб. Отколоть от социалистического блока еще и квартирнанимателей не удалось – на их собрании 18 из 30 присутствовавших членов проголосовали за сохранение коалиции [5, л. 278–278об.].

Кампания велась вяло, причем в особенности социалистами, которые, ожидая провала, ограничивались выпадами против оппонентов в печати. Из 5 предвыборных собраний, запланированных ими, состоялось только 2. Куда более активно занимались агитацией представители списков 1 и 3 [1, с. 67; 5, л. 304–304об.]. Отдел пропаганды не скрывал, что ожидает победы «правого, государственно мыслящего элемента» [5, л. 298].

«Северокавказский край» призывал к «добровольной мобилизации всех умеренных элементов города» [36] и агитировал при помощи стихов:

*Не называюсь к тебе я учителем:
Вилы сготовишь на свой же ведь бок,
Если окажется вновь победителем
Демократический блок...*

*Помни: лишь только в управу и в головы,
В думу ворвется эсерская рать, –
«Были вы голодны, будете голы вы...»
Списка второго не брать и не брать!.. [35]*

В итоге кампании, проходившей под административным прессом, явка упала с 22,4 до 14, 1 % (3537 избирателей из 25113 [4, с. 4]), часть интел-

лигентов и многие рабочие не голосовали (в рабочих кругах даже слышалась фраза: «Выбирай не выбирай, все равно назначат, кого сами хотят»), но зато некоторые мещане, недовольные объединением списков, отдали свои голоса социалистам [1, с. 67–68; 5, л. 278об.]. Согласно «Северокавказскому краю», день голосования прошел при полной апатии электората: в Воробьевском районе «к урнам подходили, что называется, через час по столовой ложке», в Старом Форштадте «выборы протекали в высшей степени вяло», «излучалась картина полного абсентеизма», на Мамайке «в участке пусто», но «изредка показываются избиратели», на Новом Форштадте, в Приярмарочном и Станичном районах наблюдалось некоторое оживление, и лишь в Ташлянском участке выборы «прошли дружно», а в урну было опущено списков больше, чем в центре. По сведениям председателей избирательных комиссий, участие в выборах в центре города принимала интеллигенция, большей частью женщины преклонного возраста. На окраинах доминировали старики. Молодежь как в центре, так и на окраинах отнеслась к выборам безразлично. Социалисты лидировали в Каменоломне, Новом Форштадте, на Мамайке (в последних двух, по всей видимости, за счет части электората мещанского списка, недовольного союзом с домовладельцами), в большинстве других районов преобладал объединенный список, «прогрессисты» неплохо выступали в Воронцовском районе [37]. В итоге победу одержали противники социалистов (таблица 4) [5, л. 304].

Таблица 4

Общие итоги голосования по Ставрополю (повторные выборы) /
Table 4. General results of voting in Stavropol (by-elections)

	Название и № списка	Количество записок	Процент	Количество мест в думе
1	Союза домовладельцев, мещанского общества и районных попечительств (№ 1)	1610	45,5	67
2	Демократических организаций и социалистических партий (№ 2)	1551	43,9	5
3	Прогрессивных внепартийных избирателей (№ 3)	188	5,3	0
	Смешанные записки	188	5,3	-
	Итого	3537	100	72

Любопытно, что социалисты увеличили свой процент, потеряв при этом всего около 1/5 голосов по сравнению с первыми выборами (домовладельцы и прогрессисты – 2/5). Но при этом, уступив объединенному «правому» блоку буквально несколько десятков голосов, они получили вместо 49 мандатов – 5. От домовладельцев, районных попечительств и мещан в думу прошли 67 кандидатов (в том числе и А.М. Воскресенский, со второй попытки все же ставший гласным, хотя и занявший одно из последних проходных мест

[38]), 46 из них также фигурировали в списке прогрессистов [1, с. 67–68; 5, л. 298, 304–304об.]. По другим данным, избранных кандидатов от социалистов было 6, но один из них – В.А. Лукаш – был включен во все три списка (и получил рекордное количество голосов – 3093), а еще пятеро также значились в списке № 3. Впрочем, особого противоречия нет, т. к. Лукаш хотя и был включен в список социалистов, куда ближе он, один из лидеров районных попечительств, был к списку № 1. Первый чисто социалистический кандидат, А. Шу-

ваев, занял 80-е место с 1546 голосами. Также было примечательно, что среди гласных не было ни одной еврейской фамилии, которые усердно вычеркивались даже сторонниками списка № 2. «Родная речь» увидела во всем произошедшем «определенный сдвиг вправо среди городского населения, не оставляющий места иллюзиям социалистических партий» [28], а Отдел пропаганды с удовлетворением констатировал, что «новая городская дума будет аполитичной и проявит свою деятельность исключительно в работах по улучшению быта населения, в области налаживания разрушенного городского хозяйства и экономических вопросов» [5, л. 304]. Левые же, подозревавшие фальсификацию выборов, так как за 10 дней после дня голосования от избирательной комиссии не удавалось добиться никаких данных с подсчетами, сокрушались, что в итоге получилась домовладельческая дума, а состав ее, «в смысле реакционности, гораздо резче, чем это было до революции» [1, с. 67–68]. Обжалования выборов на этот раз не последовало [29; 39].

Новая ставропольская дума, избранная то ли вследствие закономерного «сдвига вправо», то ли фальсификации – оценка, даваемая итогам скандальных выборов, зависела от политических взглядов наблюдателя, что, впрочем, вполне естественно – просуществовала недолго, как и все белые институты в годы Гражданской войны. Она успела лишь избрать своим председателем Е. Г. Маслова, а городским головой – Р. Р. Глиндзича (оба представляли умеренно-либеральную часть объединенного списка, т. к. из 67 гласных победившего блока 46, входившие также в список прогрессистов, принадлежали к умеренным, и лишь 21 – к правым [4, с. 6]), обсудить некоторые хозяйственные проблемы и вопросы обороны города от наступающей Красной армии. Если на заседании 10 января 1920 г. было еще достаточно многолюдно (51 гласный из 72) [9, л. 7–7об.], то в последующие недели обозначились проблемы с кворумом, а 1 февраля многие народные избранники и вовсе эвакуировались из Ставрополя [30].

Литература

1. Бурь. Выборная эпопея // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 16–18. С. 66–68.
2. Вольная Кубань. 1919. 6 октября.
3. Временное положение о выборах городских гласных. Ставрополь, 1919. 31 с.
4. Гельфгот А. Городские Думы в 1919 году // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 19–20. С. 3–7.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69.
6. ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 83.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 68. Оп. 2. Д. 9004.
8. ГАСК. Ф. 96. Оп. 3. Д. 38.
9. ГАСК. Ф. 96. Оп. 3. Д. 343.
10. ГАСК. Ф. 398. Оп. 54. Д. 20.
11. ГАСК. Ф. 398. Оп. 54. Д. 21.
12. Гр. Накануне выборов // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 13. С. 34.
13. Жизнь. 1919. 24 сентября.
14. Жизнь. 1919. 19 октября.
15. Земский. Ставрополь-Губернский. В земстве // Жесткое самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 4–5. С. 35.
16. Кондрашова А.А. Городское самоуправление России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Ставрополя): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2013. 278 с.
17. Кондрашова А.А. Ставропольское городское общественное управление после Февральской революции 1917 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 36–41.
18. Приазовский край. 1919. 21 мая.
19. Родная речь. 1919. 15 августа.
20. Родная речь. 1919. 17 августа.
21. Родная речь. 1919. 18 августа.
22. Родная речь. 1919. 20 августа.
23. Родная речь. 1919. 3 сентября.
24. Родная речь. 1919. 19 сентября.
25. Родная речь. 1919. 1 октября.
26. Родная речь. 1919. 8 октября.
27. Родная речь. 1919. 30 октября.
28. Родная речь. 1919. 23 ноября.
29. Родная речь. 1919. 28 ноября.
30. Родная речь. 1920. 2 февраля.
31. Северокавказский край. 1919. 17 сентября.
32. Северокавказский край. 1919. 20 сентября.
33. Северокавказский край. 1919. 24 сентября.
34. Северокавказский край. 1919. 11 октября.
35. Северокавказский край. 1919. 8 ноября.
36. Северокавказский край. 1919. 10 ноября.
37. Северокавказский край. 1919. 12 ноября.
38. Северокавказский край. 1919. 21 ноября.
39. Северокавказский край. 1919. 30 ноября.
40. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 19 января.

41. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 1 июня.
42. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 9 октября.
43. Утро Юга. 1919. 20 сентября.

References

1. Bur. Vybornaya epopeya (Electoral epopee) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. 20 dekabrya. No. 16–18. S. 66–68. (In Russian).
2. Vol'naya Kuban'. 1919. October 6. (In Russian).
3. Vremennoe polozhenie o vyborakh gorodskikh gласnykh (Provisional regulations on the election of city councilors). Stavropol', 1919. 31 p. (In Russian).
4. Gel'fgot A. Gorodskie Dumy v 1919 godu (City Dumas in 1919) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. No. 19–20. P. 3–7. (In Russian).
5. State Archive of the Russia Federation (GARF). F. R-446. Inv. 2. D. 69. (In Russian).
6. GARF. F. R-9427. Inv. 1. D. 83. (In Russian.)
7. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 68. Inv. 2. D. 9004. (In Russian).
8. GASK. F. 96. Inv. 3. D. 38. (In Russian).
9. GASK. F. 96. Inv. 3. D. 343. (In Russian).
10. GASK. F. 398. Inv. 54. D. 20. (In Russian).
11. GASK. F. 398. Inv. 54. D. 21. (In Russian).
12. Gr. Nakanune vyborov (Before the elections) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. № 13. P. 34. (In Russian).
13. Zhizn'. 1919. September 24. (In Russian).
14. Zhizn'. 1919. October 19. (In Russian).
15. Zemskii. Stavropol'-Gubernskii. V zemstve (In Zemstvo) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. 5 aprelya. No. 4–5. P. 35. (In Russian).
16. Kondrashova A.A. Gorodskoe samoupravlenie Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Stavropol'ya) (City self-government of Russia in the late XIX – early XX centuries (on the materials of Stavropol region)): thesis. Stavropol', 2013. 278 p. (In Russian).
17. Kondrashova A.A. Stavropol'skoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie posle Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda (Stavropol city public administration after the February Revolution of 1917) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2014. No. 4. P. 36–41. (In Russian).
18. Priazovskii krai. 1919. May 21. (In Russian).
19. Rodnaya rech'. 1919. August 15. (In Russian).
20. Rodnaya rech'. 1919. August 17. (In Russian).
21. Rodnaya rech'. 1919. August 18. (In Russian).
22. Rodnaya rech'. 1919. August 20. (In Russian).
23. Rodnaya rech'. 1919. September 3. (In Russian).
24. Rodnaya rech'. 1919. September 19. (In Russian).
25. Rodnaya rech'. 1919. October 1. (In Russian).
26. Rodnaya rech'. 1919. October 8. (In Russian).
27. Rodnaya rech'. 1919. October 30. (In Russian).
28. Rodnaya rech'. 1919. November 23. (In Russian).
29. Rodnaya rech'. 1919. November 28. (In Russian).
30. Rodnaya rech'. 1920. February 2. (In Russian).
31. Severokavkazskii krai. 1919. September 17. (In Russian).
32. Severokavkazskii krai. 1919. September 20. (In Russian).
33. Severokavkazskii krai. 1919. September 24. (In Russian).
34. Severokavkazskii krai. 1919. October 11. (In Russian).
35. Severokavkazskii krai. 1919. November 8. (In Russian).
36. Severokavkazskii krai. 1919. November 10. (In Russian).
37. Severokavkazskii krai. 1919. November 12. (In Russian).
38. Severokavkazskii krai. 1919. November 21. (In Russian).
39. Severokavkazskii krai. 1919. November 30. (In Russian).
40. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. January 19. (In Russian).
41. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. June 1. (In Russian).
42. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. October 9. (In Russian).
43. Utro Yuga. 1919. September 20. (In Russian).

Сведения об авторе

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета / a.chemakin@spbu.ru

Адрес: д. 7–9, Университетская набережная, 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Information about the author

Anton A. Chemakin – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, Chair of History for Teaching at the Natural and Humanitarian Faculties, Institute of History, Saint Petersburg State University / a.chemakin@spbu.ru
The address: 7–9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.